

Сергей Котов

**За
Звёздным
Горизонтом**



Сергей Котов

За звёздным горизонтом

«Автор»

2023

Котов С.

За звёздным горизонтом / С. Котов — «Автор», 2023

Про бессмертных людей, выживших после войны с искинами и летящих к другой звезде на реалистичном (досветовом) звездолёте.

© Котов С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Смерть в пустоте	5
Записи экипажа, файл 89340002	9
Глава 2. Любовь и шумеры	13
Записи экипажа, файл 0318716	20
Глава 3. Первые и вторые	25
Записи экипажа, файл 047892	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Котов

За звёздным горизонтом

Глава 1. Смерть в пустоте

Миновала полночь по корабельному времени. В коридорах царил полумрак; большие общественные пространства тонули в темноте, лишь на дорожках поблёскивали направляющие дежурного освещения. Было тихо. Только в парке стрекотали насекомые и тихонько, будто робея, давали трели соловьи да камышовки.

На борту была предусмотрена не только привычная смена дня и ночи; тут существовала даже смена сезонов – биологи, проектируя биосферу, на этом настояли. Правда, настоящую зиму, со снегом, тут можно было найти только в специализированном секторе для горных видов спорта. В остальных секторах смена времён года была мягкой, как в субтропиках.

Сейчас была весна. Сто тридцать вторая с момента старта.

В каюту Гордея лёгкий ветерок климатизатора доносил мягкие запахи цветущего сада. Самые настоящие – система брала нужные молекулы в парке и бережно доносила их в правильной пропорции. Такое возможно только весной. Он любил это время года. Тихими весенними ночами спалось особенно хорошо. Даже сновидения были яркими и цветными – как в далёком, почти позабытом детстве.

Резкий треск и красные проблески аварийного вызова грубо вернули его в реальность. Он со стоном сел на кровати, недоуменно уставившись на экран коммуникатора. Красный цвет и код вызова – жирная единица – заставили его собраться с мыслями.

«Принял!» – произнёс он в пространство.

Экран коммуникатора послушно ожил. На нём появилось взволнованное лицо Алисии, врача и эколога.

– Что там? – сонно спросил Гордей.

– Спускайся на минус три. Запасная система рециркуляции воды, третий насос, – каким-то безжизненным голосом оттарабанила Алисия и выключила связь.

Гордей поморщился. Это было невежливо. Однако делать нечего: код «единица» есть код «единица». Таких происшествий за время полёта можно было пересчитать по пальцам одной руки. И пускай ни одно из них не несло реальной угрозы для экспедиции, кое-что могло обернуться большими проблемами в случае запоздалой реакции.

Гордей зашёл в санузел, ополоснул лицо и почистил зубы. Посмотрел на себя в зеркало. «Хорошо, что щетина так и не выходит из моды», – подумал он удовлетворённо.

В гардеробной он надел лёгкий комбинезон, который обычно использовал для походов на нижние уровни, и простые матерчатые кроссовки.

Перед выходом он бросил взгляд, полный сожаления, в сторону кухонного блока. Ужасно хотелось кофе. Но, в случае больших неприятностей, эту задержку пришлось бы упомянуть в отчёте. Поэтому Гордей взял только термос с прохладной водой из специального гнезда на блестящем металлическом корпусе очистителя.

Кабюта Гордея располагалась возле защитной стены, крайней в ряду. Он сам выбрал это место – отсюда можно пешком дойти до прогулочной палубы, устроенной прямо на поверхности астероида, из которого был сделан корабль. Конечно, палуба часто бывала закрыта – но Гордей всё рано старался появляться там хотя бы раз в два-три дня. Корабельные психологи рекомендовали «прогулки на воздухе» не реже раза в месяц, и чуть ли не силой заставляли людей, слишком засидевшихся в комфортных подземельях, глядеть на подлинное звёздное небо. Говорят, если провести внутри пару лет безвылазно – легко можно заработать агорафо-

бию. Не сказать, чтобы это было большой проблемой; с такими состояниями достаточно легко справляется современная психиатрия, но порядок есть порядок. Здоровье экипажа, в том числе психологическое, было приоритетом.

Путь на минус третий уровень был не близким. Сначала нужно было добраться по окружной аллее до ближайшего лифтового холла. Потом, дождавшись кабины, спуститься на нулевой уровень. Здесь комфорт жилых помещений корабля заканчивался, и начиналась техническая начинка, которая позволяла этот самый комфорт поддерживать.

На минус первом и минус втором располагался комплекс органического синтезатора. Крайне сложная штука, вершина индустрии синтетической органики. Именно здесь производилось продовольствие и перерабатывались отходы. Гордей читал, что первые проекты кораблей-ковчегов предусматривали снабжение человеческой популяции исключительно за счёт закрытой биосферы. Но все подробные математические модели говорили о том, что подобная биосфера в замкнутом объёме астероида будет способна эффективно работать тысячу – максимум две земных лет. Потом неизбежна нарастающая деградация. Такой срок посчитали недостаточным, поэтому уже существовавшие на тот момент технологии синтеза белков с эмульсией живой клеточной структуры были доработаны до промышленного уровня. Однако полностью от биосферы отказаться тоже не получилось: парки, сады с прудами и прочие прелести жизни сочли необходимыми для сохранения психического здоровья экипажа. Впрочем, эта биосфера, как и люди, опиралась на возможности органического синтеза, поэтому не была замкнутой. Таким образом, утилизация энтропии позволяла поддерживать жизнеспособность биосферы корабля, практически, неограниченное время.

Уровни, где располагались синтезаторы, пронзали сети служебных тоннелей. Гордей воспользовался одним из них, чтобы срезать путь до лифтового холла, через который можно было попасть на минус третий. Тут, судя по цветовой индикации процессов, которая выводилась на мониторы, установленные вдоль тоннеля, всё было в порядке. Впрочем, он не был химиком – возможно, какие-то мелкие сбои он мог и не заметить. Но это уже не его проблема. Раз Управление сочло возможным не вызывать специалистов на этот участок – скорее всего, он вовсе не затронут аварией или затронут минимально.

Несколько десятилетий назад, когда Гордей впервые столкнулся с тревогой уровня один, он, пожалуй, испугался. После долгого периода жизни в абсолютной безопасности угроза жизни вдруг показалась необычайно острой. Однако опасность оказалась совершенно гипотетической: в одном из внешних резервуаров был нарушен баланс изотопов трития из-за того, что корабль вошёл в область, где плотность межзвёздного газа была повышенной. Этот скачок плотности не был предусмотрен планом полёта, поэтому система потребовала ручной корректировки. Для того, чтобы такой дисбаланс стал по-настоящему опасным должно было совпасть слишком много факторов. Но система посчитала её достаточной для объявления высшего приоритета – кода «1».

После этого было ещё несколько приоритетных тревог. Каждую он отработывал как положено – быстро, аккуратно и тщательно. Но острота восприятия реальности возможной угрозы притупилась.

Лифт гостеприимно раскрыл дверцы, когда Гордей приблизился к нему, реагируя на его сигнатуру. Он вошёл в кабину и дотронулся до цифры «-3» на панели управления. Двери плавно закрылись. Немного заложило уши – на минус третьем давление было чуть ниже, чем на верхних ярусах.

Немного поколебавшись, Гордей достал из аварийной ниши лифта кислородный аппарат и повесил себе на шею. Утечки или заражения воздуха не было, иначе система предупредила бы об этом. Но по протоколу полагалось иметь средства защиты под рукой в случае любой аварийной ситуации, и он решил не нарушать правила.

Минус третий – это важнейший сегмент корабля, объединявший систему жизнеобеспечения с энергетическим контуром. Он представлял собой комплекс огромных резервуаров с водой, литием, кислородом, водородом и его радиоактивными изотопами плюс ряд подсистем для работы с благородными газами, которые синтезировались на некоторых режимах работы термоядерного реактора. Кроме колоссального запаса рабочего тела в виде льда, который они тащили с собой от самой Солнечной системы, корабль собирал межзвёздный газ с помощью колоссальной электромагнитной ловушки, которая одновременно служила внешним контуром противорадиационной защиты. Сжатый перегретый газ доставлялся сюда по специальному газопроводу на сверхпроводящих магнитах, располагавшийся по центральной оси астероида. Часть нужных изотопов выделялась на сепараторе и сразу шла в реактор – отсутствие этапа охлаждения повышало КПД.

Прозрачные стены служебного тоннеля на минус третьем были подсвечены ровным синим цветом. Гордей пригляделся. На первый взгляд, все системы работали нормально. Но он всё равно поспешил в обозначенную Алисией точку.

Врач стояла перед одним из технических люков с растерянным видом. Она была одна – и это больше всего удивило Гордея.

– Где остальные? – спросил он, – сколько там по регламенту положено? Опаздывают?

Алисия посмотрела на него чуть растеряно. Потом, будто спохватившись, ответила:

– На этом этапе нас двоих достаточно, – произнесла она всё тем же безжизненным тоном, но потом добавила: – ты, наверно, подумал, что авария техническая?

Гордей удивлённо моргнул.

– А какая? – спросил он.

– Пойдём, покажу, – ответила Алисия, – надеюсь, ты не завтракал.

Она нажала несколько клавиш на панели управления люком, и он с тихим шипением отъехал в сторону, открывая доступ на решётчатый пандус, ведущий к одной из вентиляционных шахт. Врач, пригнувшись, вошла внутрь. Гордей последовал за ней.

Справа от пандуса, прямо посреди шахты, висела мёртвая девушка. На её шее были наматаны какие-то провода; опухшее лицо обезображено глубокими надрезами – Гордей не смог её сходу опознать.

Он ощутил приступ тошноты, но смог быстро подавить его. Теперь стало понятно, почему вызвали только его одного.

Большинство членов экипажа корабля имело две и более специальности. Это было рационально и эффективно. А, учитывая длительность полёта – приобретение новых навыков и профессий только поощрялось. Некоторые даже умудрялись кардинально менять основную специализацию, сдавая соответствующие квалификационные экзамены.

У Гордея было две официальные профессии: инженер энергетических систем и специалист общественной безопасности. Последнюю ему буквально навязали, приняв во внимание его военное прошлое.

– Почему код единица? – озадаченно спросил он, доставая фонарик, чтобы внимательнее осмотреть тело.

– Признаки насильственной смерти, – ответила врач, – очевидно.

С момента старта в результате несчастных случаев погибло три человека. Ещё один покончил жизнь самоубийством. На корабле, где люди не старели и могли жить неограниченно долго, каждое такое происшествие было чрезвычайным, однако ни в одном из случаев не представляло опасности для самой экспедиции.

Теперь же ситуация была кардинально иной.

– Уверена? – Спросил Гордей.

– Абсолютно, – кивнула врач, – смотри, у неё на руках вены перерезаны, вдоль сосудов. И руки связаны за спиной. При всём желании самостоятельно она бы не смогла такое проверить.

Он посветил фонариком на руки умершей. Рукава комбинезона были разодраны, в прорехах виднелась синюшная кожа и глубокие порезы там, где располагались вены. Гордей направил луч вниз, однако его мощности не хватило, чтобы достать до дна. Нахмурившись, он попытался вспомнить, что находится на дне шахты. Кажется, заборные отверстия предварительного фильтра запасной системы... хорошо, что запасной. Иначе пришлось бы чистить воду в рабочем контуре, что было чревато определёнными неудобствами для экипажа.

– Как обнаружила? – Спросил он.

– Автоматика, – врач пожала плечами, – химический состав резервуаров, в том числе запасных – наша ответственность.

– Кто ещё из врачей получил оповещение?

– Только я. Сегодня моё дежурство. Лазарет пуст, поэтому возле пульта была я одна.

Гордей достал из кармана коммуникатор, активировал служебный сканер и протянул его вперёд, чтобы считать индивидуальную метку погибшей. Через мгновение на экране появилась информация:

Нина Цао, специалист по информационным системам, лингвист, специалист по коммуникации. Номер каюты 1327, третий уровень.

– Что информационщику могло понадобиться на служебных уровнях?.. – риторически спросил он, запрашивая данные о местонахождении коммуникатора погибшей и последних контактах. Он вспомнил Нину. Какое-то время они даже общались, но дальше совместных прогулок в парке дело не зашло. У неё оказались пристрастия, которые не вполне подходили консервативному Гордею. И дело было даже не в посещении вечеринок в «Тёмной комнате» – просто само отношение к близости у неё было сугубо утилитарным. Даже физиологическим. Впрочем, она могла измениться – ведь они не встречались и не разговаривали уже лет тридцать.

– Думаешь, она сама сюда пришла? – вопросом ответила Алисия.

– Вот посмотрим записи и выясним, – вздохнул Гордей, разглядывая хитроумный узел, которым были завязаны провода на одной из технических скоб шахты, где-то в полутора метрах над головой погибшей.

– Как думаешь, сможем её вдвоём достать? – спросила врач, – не хотелось бы шумихи.

– Сможем, – кивнул Гордей, – надо только за магнитными носилками сходить.

– Я принесу! – Вызвалась Алисия, как ему показалось, с огромным облегчением.

– Добро, – кивнул он.

Алисия скрылась за поворотом служебного коридора. Гордей же продолжал осматривать место происшествия, пытаясь воскресить детали знаний по криминалистике, которые ему не приходилось применять уже очень давно.

Поверхность служебного тоннеля была идеально чистой. И это легко объяснимо: роботы-уборщики автоматически поддерживали её в таком состоянии. Так что, даже если здесь раньше были следы крови – обнаружить их сейчас было бы не так просто. «Надо обследовать всех чистильщиков, которые работали в этом секторе, и запросить отчёт, – растерянно подумал Гордей, – для порядка». Впрочем, он сомневался в реальной необходимости таких действий. В конце концов, камеры на корабле повсюду. Сектора обзора перекрываются многократно. А на технических уровнях есть ещё датчики движения и объёма... что бы тут ни происходило – скоро они выяснят, как оно было на самом деле.

Гордей прикрыл глаза, ощущая, как прохладный воздух поднимается из глубокой шахты. Пахло водой и озоном. Странно, но эти запахи вызвали у него какие-то приятные ассоциации. Возможно, что-то в далёком прошлом было с ними связано – но он толком не мог вспомнить, что именно.

Записи экипажа, файл 89340002

Из личных воспоминаний Гордея Захарова, инженера силовых систем и специалиста по общественной безопасности межзвёздного корабля «Москва»

– Сколько тебе лет? – спросил лысый, опуская винтовку.

– Шестнадцать, – соврал я, стараясь, чтобы голос звучал более низко.

На самом деле мне четырнадцать. Самая дурацкая возрастная категория – даже с началом Гражданской о детях хоть как-то старались заботиться, отдавали в приёмные семьи на содержание, добывали продукты для домов воспитания. Но если тебе не повезло быть подростком – беда. Дома воспитания отказывали: «ты большой, сам можешь о себе позаботиться», – самая распространённая форма ответа. С чужими семьями ещё хуже. Кому нужен почти сложившийся человек?

Такие, как я поначалу сбивались в группы. Казалось, так выживать проще. Вроде логично, да? Чем больше народу, тем больше возможностей. И, наверно, это действительно так: для тех, кто умудрился встать у руля. Обычные же ребята служили просто расходным материалом. Совсем как в большом мире накануне Революции Сознания и Гражданской.

Лысый чуть поморщился, критически меня оглядывая.

– Мелковат, да... ну а кто сейчас вырастает здоровяком, а? – он неожиданно подмигнул мне и улыбнулся.

– Михалыч! – Крикнул он кому-то в сторону транспортёра, – у нас волонтёр!

– Лет сколько? – криком ответил кто-то невидимый из чрева огромной бронемашины.

– Шестнадцать!

– Берём! – тут же последовал ответ, – у батальона некомплект сорок процентов!

– Ну что, собирайся, – сказал лысый, обращаясь ко мне.

Я едва смог сдержать радостную улыбку.

Раз меня взяли, значит, уже сегодня будет еда. Это очень хорошо. Это прям здорово! Если бы я упустил эту возможность, не факт, что удалось бы дожить до следующего рассвета. Я бы умер не от голода – у меня просто не осталось бы сил на то, чтобы хоть как-то защищаться и прятаться.

Внутри транспортёра было неожиданно пусто. Только под ногами темнели штабели каких-то зелёных ящиков. Боеприпасы? Стрелковое оружие? Да какая разница! Главное добраться до базы этих вояк и встать на довольствие.

Ещё несколько недель назад я слышал от знакомого, такого же отколовшегося от группы одиночки, как и я, что революционные силы упростили практику набора добровольцев. В том, что подобранный меня отряд относится именно к революционерам – сомнений не было. Силы Вечных в начале весны капитально потеснили, и теперь они держали оборону в промзоне, на морском берегу. Собственно, они были в ловушке, и все это понимали, включая их самих. С одной стороны, это означало скорое окончание боевых действий, по крайней мере, в нашем регионе. А с другой – мало ли на какой отчаянный финт они окажутся способны?

...

Комбат был здоровенным седым мужиком с бородой, которую почему-то хотелось назвать «окладистая». Я понятия не имею, что это значит. Пару лет назад, ещё когда существовала сеть для того, чтобы выяснить это, достаточно было достать смартфон. А теперь – только спрашивать у знающих людей или искать справочники.

– Значит, говоришь, что скитаешься больше года? – спросил он меня, оглядев с ног до головы.

– Чуть больше, – кивнул я.

– В бандах промышлял?

– Было дело, – не стал отпираться я.

– Сбежал?

– Ага.

– А почему сбежал? Чего лидером не стал? Кишка тонка оказалась?

Комбат пригвоздил меня к месту взглядом своих светло-серых глаз. У меня в голове метались мысли: «Что сказать? Что пробовал, но не получилось? Тогда окажется, что я реально слабак... выгонят меня, если уже вроде как уже зачислили и предложение сделали? Фиг его знает... могут и выгнать... сказать, что мою банду разгромили? Так ещё хуже выходит... Блин, да ну его – скажу правду!» – в конце концов решил я.

– Наверно, надо было, – вздохнул я, – но на тот момент я сытый был. Противно было делать то, что приходится делать жожакам...

Взгляд комбата потеплел. Кажется, он даже улыбнулся – из-за густой бороды было непонятно.

– Значит, больше года в одиночку... – сказал он задумчиво, – неплохо, неплохо. В расположении подойди к Макарову. Это командир нашего разведывательного взвода. Передай ему, что я сказал тебя посмотреть.

– Есть! – Ответил я, вытянувшись по струнке.

Егор Петрович (так звали комбата) глянул на меня ещё раз, цепко и серьёзно.

– Молодец, что руку к пустой голове не прикладываешь, – одобрил он, – а то развелось тут среди молодёжи. Копируют заграничную моду – и всё тут. А это совсем не безобидные вещи, у нас тут куча бывших наёмников шарится, кто к тамошним вечным на службу поступил, ещё когда у нас только всё начиналось...

– Служу Делу Революции! – ответил я; знал, что так полагается по уставу – успел изучить.

Комбат снова улыбнулся.

– Ну иди уже, – кивнул он.

...

К роскоши быстро привыкаешь. Всего-то денёк не пожрать – ещё полгода назад для меня было совершеннейшей нормой. А теперь только пятнадцать часов прошло, а желудок уже настоятельно требовал своё. Неприятное и почти забытое ощущение.

Стараясь двигаться как можно осторожнее, я достал из разгрузки энергетический батончик. Новенький, в специальной бесшумной упаковке, для спецподразделений. На освобождённых территориях уже наладили производство. Таких вот мелких вроде бы фактов становилось вокруг всё больше – и это давало поводы для оптимизма.

Стояла ранняя осень, но здесь, на юге страны, её прохладная поступь совершенно не ощущалась. Солнце жарило вовсю, и я успел хорошенько пропотеть в своём укрытии. Благо, отличная мембрана в особом варианте камуфляжа, который полагался спецподразделениям, отлично отводила влагу, чему способствовал приятный ветерок.

Я застрял тут, в руинах бывшего угольного терминала.

Задание было простым: пробраться в карстовые пещеры возле основания горного массива, где недобитки вечных устроили стратегический склад, и выяснить его заполненность, по возможности уточняя состав складированной номенклатуры.

Это я от Макарова научился всяким таким умным словечкам, вроде «номенклатуры». Начитанный он мужик. Говорят, до Революции и Гражданской чуть ли не профессором был. Может и дать – не знаю, каким он был учёным, но разведчик из него вышел на славу. Мне повезло очень. У него во взводе была очень высокая выживаемость личного состава. Да, для этого приходилось много потеть и терпеть всякое на учениях – но жизнь того стоит.

В общем, в пещеры удалось проникнуть незамеченным – там хватало затопленных горизонтов, в которых не было ни наблюдения, ни электричества. Дальнейшее было делом техники и искусства оставаться незамеченным.

Склады оказались почти пустыми: с десятков законсервированных танков: древних Т-80, да пара каких-то импортных РСЗО. Я их опознать не смог – чехлы были слишком свободными, чтобы наверняка определить силуэт. Ну и пара десятков тысяч снарядов.

Выбрался я тоже благополучно, но на пути отхода начались сюрпризы. Противник изменил график патрулей, и я чуть не попался на выходе. Чистое везение: патрульные, видимо, оказались не слишком опытными и внимательными.

Мне удалось оврагом добраться до дороги, которая шла вдоль моря, сделав огромный крюк. Перебравшись на другую сторону через дренажную трубу, я вышел к прибрежным кустам. Береговая линия тут была каменистая, с многочисленными валунами, между которыми прятался неприметный грот.

Я даже успел вовремя. Но с эвакуацией случилась какая-то накладка: в условленном месте я не обнаружил подводный гидроскутер, на котором должен был выбраться в точку рандеву с нашим катером. Пришлось искать укрытие в этих руинах; они охранялись не особо тщательно и были буквально нашпигованы минами.

Ни о какой связи, разумеется, не могло быть речи. Оставалось только надеяться на командира, что он разберётся с осечкой и сумеет организовать эвакуацию.

На такие случаи у нас, конечно, были инструкции: сутки я должен был находиться рядом с условленным местом и держать его в поле зрения, если позволяет оперативная обстановка. Потом – отходить, стараясь самостоятельно вернуться к своим.

Но куда отходить? И как?.. мы прорабатывали варианты возвращения через линию фронта. Она действительно недалеко отсюда, каких-то двадцать километров... но вечные окопались так, что там реально мышь не проскочит, не нарвавшись на мину или снайпера. Конечно, её тоже будут взламывать и довольно скоро. Но во время активной фазы наступления этот путь тем более будет закрыт. Уходить дальше на юг, к границам бывшей Грузии, а теперь турецкого протектората? Тоже сомнительно. Даже если сразу не убьют – будут держать, выторговывая что-то у нашей стороны. Остаться здесь? Кормиться рыбой и птицами? Возможно теоретически, но сложно осуществимо на практике: вон как вражины территорию пасут, маршруты патрулей по два раза на дню меняют. Кстати, не потому ли, что я какие-то следы там, под горой оставил? Плохо. Тогда меня точно ищут.

Под эти тревожные мысли я задремал, а проснулся уже ночью. Началась гроза, сквозь порушенные плиты перекрытий хлестал ливень. В том углу, где я забился, было относительно сухо – но лишь относительно: по стенам текли влажные ручейки, да брызги периодически задувало прямо мне в бок.

Становилось прохладно, и я съёжился, чтобы максимально сохранить тепло.

Несмотря на непогоду, я не забывал бросать взгляды в сторону берега, где среди камней скрывался условленный грот. Меня мучила совесть: я позволил себе уснуть, а что, если как раз в это время приходили наши? Может, они оставили скутер? Пойти проверить что ли... но вылезать сейчас, при такой погоде, из развалин опасно: даже моё тренированное внимание могло не сработать и пропустить какую-нибудь хитрую растяжку.

Наверно, я бы так и не решился выйти до конца грозы. Но во время очередной вспышки ветвистой молнии я отчётливо заметил тёмные силуэты, прямо возле грота.

Наши или враги? Гадать не было никакого смысла: не рассуждая больше, я начал выбираться.

Минут через пять я уже был на месте. Очень вовремя: бойцы уже собирались нырять обратно в море. На них были чёрные гидрокостюмы и маски, так что я не опознал, кто именно пришёл за мной – но в том, что это были наши, никаких сомнений не было: полыхнула молния, и я отчётливо разглядел на плечах парней красный прямоугольник, символ революционных сил.

Увидев меня, один из ребят снял маску. Сказать, что я обалдел, значило не сказать ничего: это был сам Макаров.

– Ну что, студент! – громко, чтобы перебить завывания ветра, сказал он, – одевайся и по коням!

Я увидел, что в гроте стоит ещё один скутер и кислородный аппарат с гидрокостюмом. Быстро поспешил внутрь.

Переоделся я быстро, но аккуратно. Форму и оружие, как полагается, упаковал в герметичные контейнеры и закрепил в специальном гнезде на борту скутера.

Потом подключил кислородный аппарат. Перед тем, как надеть маску, я сделал глубокий вдох. Из-за грозы морской воздух был насыщен озоном.

В тот момент, кажется, я был совершенно счастлив. Меня не бросили, за мной пришли. И не кто-нибудь, а сам командир! Когда выберемся я, конечно, узнаю, что случилось, и почему эвакуация почти сорвалась. Но в тот момент это было совершенно не важно.

Глава 2. Любовь и шумеры

Разумеется, на корабле не было никакой демократии. Состав экипажа, должностные обязанности и зоны ответственности подбирались индивидуально лучшими социальными психологами, с учётом всех факторов, даже таких новых и необычных, как отсутствие старения и относительно ограниченное социальное пространство. Поэтому состав Управления был неизменным с момента старта. Судя по тому, что «Москва» приближалась к финальной точке своего путешествия без серьёзных происшествий – эта схема была вполне рабочей. Так, по крайней мере, до сегодняшней ночи считал Гордей.

Управление в полном составе собралось в Координаторской – закрытом помещении, имеющем изолированную систему жизнеобеспечения. Тут отсутствовали любые цифровые приборы или датчики, подключенные к цифровым системам. Мера безопасности, которая могла бы показаться параноидальной. Но только не для непосредственных свидетелей событий Революции Сознания, к числу которых относилось большинство членов экипажа.

Всё оборудование тут было аналоговым: осветительные приборы, проектор, магнитофон для протокольной записи. Окна отсутствовали, а входные двери представляли собой настоящий шлюз с ручным управлением. В центре стоял большой круглый стол с гладкой белой поверхностью, на которой были разложены блокноты и приборы для письма. Возле стола стояли кресла из чёрного кожзаменителя с высокими спинками. Кресел было десять – ровно в два раза больше, чем действующих членов Управления.

На месте председателя сидел Координатор экспедиции Григорий Мерецков. Единственный член экипажа, чей биологический возраст превышал возраст Гордея. До вылета он возглавлял кафедру теоретической физики МГУ. Во время Революции работал на заводах Урала, смог подняться по карьерной лестнице до начальника участка и получить путёвку на переобучение по «Программе восстановления научного потенциала», благодаря которой появилось целое поколение учёных старшего возраста, так называемое «поколение дедов», видным деятелем которого он был. Его семья погибла в самом начале Революции, в период городских побоищ. Он чудом выжил, потому что в тот момент был в командировке на севере.

Координатор носил короткий ёжик, отливающий сединой, и такую же короткую седую бороду. На его лбу полегли глубокие морщины, а кожа на шее чуть обвисла. Все эти признаки старения можно было без проблем убрать с помощью косметических средств и небольших подтяжек, но он не делал этого. Наверняка потому, что в людях всё ещё сохранялось глубоко заложенное, инстинктивное уважение к старшим.

– Я верно понимаю, что система наблюдения оказалась каким-то образом выключена именно в период... происшествия? – спросил Координатор у Гордея.

«Забавно, что главный избегает слова «убийство», – подметил тот про себя, – даже в таком узком составе».

– Не совсем так, – сказал Гордей, – записи были удалены. То есть, съёмка и запись параметров изначально велись.

– Их можно восстановить? – вмешалась Белла. В отличие от Координатора, главный социолог корабля биологически была самой молодой. На момент инъекции ей было всего девятнадцать, и она пожелала остаться в этом возрасте. Сомнительное, на взгляд Гордея, решение – можно было постареть хотя бы лет до двадцати пяти.

– Точно не могу сказать, мы ведь ограничили распространение информации. Поэтому ни с кем из специалистов по информационным системам я пока не советовался. Но, думаю, скорее всего, нет. Я проверил циклы перезаписи на повреждённых секторах – они были не просто повторно использованы. Служебные наноботы заменили их на другие ячейки, как полагается в случае поломки.

– Что ж, это ограничивает круг подозреваемых, не так ли? – заметил Клемент, главный астрофизик экспедиции. Он получил инъекцию в двадцать семь, но к тому времени уже успел обзавестись обширными залысынами, поэтому казался старше своего биологического возраста. Этому способствовали и очки в тонкой металлической оправе. Исправить зрение – уже очень давно вопрос нескольких минут и пары дней на восстановление, но среди учёных после «поколения дедов» очки были в моде, поэтому на борту они не были такой уж редкостью.

– В определённой степени, – осторожно ответил Гордей.

– Почему это «в определённой степени»? – спросила Белла, – это могли сделать только информационщики. Сколько на борту людей этой и смежных, включая дублирующие, специальностей?

– Пятьсот сорок три человека, – сказал Гордей. Разумеется, эту цифру, как и многие другие, имеющие отношение к дознанию, он успел подготовить и принёс с собой в виде записей от руки в бумажном блокноте.

– Много, – констатировал Клемент.

– Боюсь, что даже ими мы не сможем в полной мере ограничиться, – сказал Гордей, – у нас не было предусмотрено никакой системы контроля за факультативным обучением. Любой желающий мог получить нужные знания с помощью информатория и собственного коммуникатора.

За столом повисло напряжённое молчание. Координатор глядел перед собой, сосредоточенно хмурия брови. Большинство смотрели на него, ожидая вердикта и дальнейших указаний.

– Почему мы до сих пор не говорили о мотивах? – вдруг спросил Захар, главный биолог. Он до сих пор сидел тихо, смотрел в стол и только вертел карандаш в своих тонких пальцах пианиста. Он и в самом деле был музыкантом. Его концерты пользовались большой популярностью у экипажа, а за прошедшие десятилетия он смог настолько отточить свой талант, что достиг виртуозности, невиданной никогда в прошлом. Правда, давал он такие публичные представления раз в год – во время новогодних праздников. Говорят, для друзей он играл куда чаще – но Гордей не входил в их круг, поэтому был лишен этого удовольствия.

Гордей тяжело вздохнул. Конечно, он думал об этом моменте, но надеялся обойтись без подробного обсуждения хотя бы на предварительном слушании по дознанию, где, по методическим указаниям, должны были заслушиваться только факты.

– На мой взгляд, наиболее вероятная мотивация может быть связана с ментальным расстройством, – нехотя произнёс он, – но для окончательных выводов неплохо было бы получить более полную картину...

– А какие факты и обстоятельства вы бы хотели ещё изучить? – спросил Дмитрий, главный инженер экспедиции и формальный начальник Гордея по первой специальности. Его утвердили на эту позицию в последний момент, когда остальной экипаж был уже сформирован. По слухам, в состав Управления хотели ввести самого Гордея, чему он, откровенно говоря, был совсем не рад, так что в определённой степени появление Дмитрия стало для него избавлением. Да и за прошедшие годы между ними ни разу не возникало никакого недопонимания. Дмитрий был предельно рационален, спокоен, рассудителен до холодности. Биологически он был моложе Гордея на пять лет, но выглядели они примерно на один возраст. Однако Дмитрий отличался более хрупким сложением, был узок в кости, а лицом как-то по-аристократически утончён.

– Чем занималась убитая, – сказал Гордей, упрямо глядя Координатору в глаза; тот едва заметно поморщился, – непосредственно перед происшествием. Прежде, чем думать о мотивах, надо выяснить хотя бы это...

– Я поддерживаю версию о ментальном расстройстве, – вмешалась Белла, – нужно будет подробное заключение психиатра, но... даже здесь есть нюансы. Картина случившегося мне кое-что напомнила.

– Что же именно? – заинтересовался Координатор.

– Что-то ритуальное, – ответила социолог, – связанное с религией. Понимаете?

За столом снова на некоторое время повисло молчание.

– Давайте подведём итог, – вздохнул Григорий, – согласно медицинскому заключению и собранным фактам на предварительном этапе дознания мы не имеем дело с несчастным случаем или суицидом. Верно?

– Верно, – кивнул Гордей.

– Верно, – подтвердила Алисия, которая тоже присутствовала на заседании, но до сих пор сидела тихо.

– Это означает, что у нас на борту случилось убийство, – Координатор всё-таки произнёс это слово – тогда, когда обходить этот момент и недоговаривать было уже невозможно. Запись итогового протокола отправится в бортовой журнал, очевидно, он понимал это, – что так же означает, что тот, кто совершил это деяние находится на борту и на свободе, – продолжал он, обведя тяжёлым взглядом присутствующих. – Означает ли это, что мы должны ввести общую изоляцию на время расследования? Поднимите руки, кто согласен.

Из членов Управления руку подняла только Белла.

– Ясно, – кивнул Координатор, – значит, действуем более осторожно. На вас, Гордей, ложится особая ответственность. После завершения дознания вы занимаетесь полноценным следствием. Если нужны будут дополнительные ресурсы – обращайтесь, постараемся оперативно решить.

– Как насчёт привлечения специалистов по общественной безопасности? Смежников? – Спросил Гордей.

– А сколько у нас на борту таких? – вопросом ответил Координатор.

– Тридцать два. Исключая меня.

– Не густо, – сказал Григорий, – а что бы вы хотели им поручить на этом этапе? Для чего нужны люди? Я так понимаю, что самый квалифицированный член экипажа по этому направлению именно вы. Поэтому вас и подняли по тревоге.

– Сколько из смежников по безопасности являются информанщиками? – вмешалась Белла.

– Тридцать два, – нехотя ответил Гордей.

– Значит, они все под особым подозрением, – продолжила социолог, – а есть возможность как-то обойтись своими силами? То есть, без привлечения людей, которые пока не в курсе случившегося?

– Могу и сам справиться, – ответил Гордей, – просто времени займёт больше.

– Хорошо, – кивнул Координатор, – пока подключайте Алисию везде, где возможно. Вы ведь не против? – он посмотрел на врача.

– Готова помочь, – нехотя ответила та, кивнув.

– Вот и отлично. Круг посвящённых пока ограничиваем присутствующими.

– Ещё мне нужен приоритетный доступ ко всем информационным системам, – спохватился Гордей, – и отмена любых регламентных ремонтных работ систем наблюдения и фиксации.

– Разумно, – поддержал его Дмитрий, – я могу это сделать.

– Хорошо, – кивнул Григорий, – на этом и решим. Гордей, когда будут результаты сообщите, встретимся в том же составе.

Накануне гибели Нина занималась изучением очередного пакета информационных сообщений с Земли. Обычно такие пакеты приходили раз в три-четыре месяца; ещё несколько дней специалисты на корабле изучали их содержание, делали обновления в корабельных базах, учебных программах, локациях виртуальной реальности и системы развлечений. Авто-

матизация процесса была минимальной; каждый пакет контролировался людьми и первоначально запускался в «песочнице» – контрольной среде, позволяющей развернуть рабочую модель любой информационной подсистемы. Разумные правила безопасности, разработанные на основе опыта Революции Сознания.

В первые несколько десятилетий после старта пакеты были достаточно объёмными. Наука продолжала стремительно развиваться, к тому же, запуск других межзвёздных кораблей подробно каталогизировался и отправлялся всему межзвёздному флоту для последующего создания карты звёздных поселений.

Корабль обладал достаточно мощным производственным потенциалом, чтобы обновлять свою начинку в соответствии с новыми техническими достижениями. Производственные системы и наноботы регулярно меняли поколения, а каждое последующее было более производительным, более энергетически эффективным и долговечным.

Самые оптимистически настроенные члены команды даже предполагали, что к моменту, когда «Москва» достигнет точки своего назначения, прямое сверхсветовое сообщение с родной планетой станет реальностью, и они получат возможность лично посмотреть на родной мир и те изменения, которые на нём произошли за почти два века.

Однако фундаментальные принципы строения Вселенной оказались крепким орешком. Да, развитие теории квантовой гравитации позволило начать опыты с искусственной силой тяжести, но энергетический баланс подобных систем оказался таким, что внедрять их на кораблях, подобных «Москве» не было никакого смысла.

Сила тяжести на корабле возникала благодаря вращению вокруг своей оси и постоянному ускорению, которые суммировались по вектору. И, хоть доля ускорения была относительно невелика, всего около 0,1 g в среднем – все помещения проектировались с её учётом. Поэтому сила тяжести не была постоянной вне жилых уровней, и даже на них слегка отличалась. К примеру, в каюте Гордея, из-за близости к защитной стене она составляла около 0,9 g в нормальном режиме полёта. Иногда параметры бортовой силы тяжести менялись, во время гравитационных манёвров внутри транзитных систем, которые рассчитывались таким образом, чтобы доставить минимум неприятностей обитателям корабля, особенно хрупкой миниатюрной биосфере.

Ещё кораблю приходилось периодически отключать маршевые двигатели, особенно на первой половине траектории, когда корма корабля была ориентирована на Солнце. Потоки ионизированной высокотемпературной плазмы сильно затрудняли приём сигналов с Земли; о какой-то более-менее объёмной по содержанию передаче в тот момент, когда были включены двигатели, говорить не приходилось.

Скорость передачи информации на такое расстояние после набора околосветовой скорости вообще была серьёзной технической проблемой: из-за влияния доплеровского сдвига теоретическая ёмкость стандартных каналов сильно снижалась. Поэтому приходилось использовать высокие и сверхвысокие частоты. Собственно, именно для дальней космической связи с кораблями, набравшими околосветовую скорость, за орбитой Марса выше плоскости эклиптики на астероидах были смонтированы передатчики на рентгеновских лазерах. Догоняя межзвёздный корабль, сверсжатые пакеты информации уходили в область высоких радиочастот, которые улавливали бортовые антенны.

На самом корабле для связи тоже были установлены рентгеновские лазеры. Но их мощность была значительно меньше, потому что, во-первых, возле Земли в качестве приёмников работали крупнейшие космические радиотелескопы, а во-вторых, не было необходимости в очень большом объёме передаваемой информации. Данные от бортовых лабораторий и научных центров вместе с результатами наблюдений транзитных планетарных систем на два порядка уступали по объёму входящим пакетам. По крайней мере, так было на большей части траектории полёта.

Для того, чтобы корабль мог выключить двигатели для приёма очередного пакета информации, на борту проводились мероприятия по подготовке. Открытые водоёмы, которые были в рекреационных зонах и парках, затягивались специальной прочной плёнкой. Животные, которые могли пострадать во время скачков вектора силы тяжести, изолировались в безопасных помещениях. Каждый член экипажа самостоятельно готовил собственную каюту: закреплял бытовую мелочёвку и другие вещи. Передвижение по открытым общественным помещениям и в технических зонах в этот период было запрещено, даже в магнитной обуви, несмотря на то что все пешеходные зоны были оборудованы магнитной подложкой.

Точное время отключения двигателей для приёма очередного пакета кодировалось в служебном файле предыдущей передачи. Таким образом можно было планировать нагрузку передающих мощностей в Солнечной системе и планировать её.

После того, как «Москва» начала торможение, необходимость в отключении маршевых двигателей для связи отпала. Однако теперь эту процедуру приходилось проводить для того, чтобы получать обновлённые сведения о конечной точке их путешествия – системе жёлтого карлика с невзрачным каталожным номером HD 186302. Потоки плазмы от двигателей на маршевом режиме не позволяли эффективно работать телескопам и другим приборам.

Имени у звезды пока так и не появилось, хотя право дать его было безусловно передано членам экспедиции. Общим решением экипажа этот момент было решено отложить до достижения внешних границ системы.

График отключения двигателей был первой страницей, которую открыла Нина, когда села за терминал информационной системы накануне своей гибели. Довольно странно для информатика. Обычно такими вещами интересуются планетологи, ксенобиологи, специалисты по контакту... или она ждала данных по возможным перехватам радиопередач как лингвист? «Надо проверить, проходила ли она переподготовку как специалист по первому контакту», – решил Гордей, и тут же отправил запрос со своего терминала. В обычном режиме такая информация была бы ему недоступна – всё-таки на корабле достаточно трепетно относились к границам личного пространства, но теперь компьютер послушно выдал нужные данные.

Нет, Нина не интересовалась первым контактом и ксенопсихологией. Скорее, ей было интересно прошлое Земли. Она прошла переподготовку как историк и палеолингвист; о присуждении соответствующей квалификации была даже запись в бортовом журнале. Больше того – именно по этой теме она переписывалась с некоторыми учёными на Земле, как вскоре обнаружил Гордей.

Её интересовали новейшие археологические открытия, связанные с аккадской письменностью и мифологией. Она даже лично расшифровала ряд клинописных табличек, обнаруженных пару десятилетий назад под Багдадом, и её перевод был принят научным сообществом как эталонный.

Большая часть писем, адресованных Нине, было подписано неким Жаном Лу. Профессором археологии, если верить справочным данным. Они переписывались несколько десятилетий. Поколебавшись немного, Гордей отфильтровал переписку в общем каталоге файлов Нины и погрузился в их изучение.

Учёные обсуждали профессиональные вопросы. Нина предсказала несколько деталей быта древних аккадцев, которые нашли подтверждение в ходе последующих раскопок, чем заслужила его безграничное уважение. «Как будто ты была там лично!» – в таких выражениях описывал свои впечатления Жан.

Переписка началась через несколько лет после отлёта, и поначалу ответы следовали строго от передачи к передаче. Потом промежутки начали увеличиваться, что не удивительно: ведь расстояние до Земли росло, а, следовательно, росло и время, которое необходимо для прохождения сигнала. Самый большой промежуток между сообщениями составлял пятнадцать лет, а потом они стали снова приходить чуть ли не в составе каждого очередного пакета.

Поначалу эта странность Гордея озадачила. И только погрузившись в чтение он понял, что Нина и Жан одновременно решили писать друг другу, не дожидаясь ответов.

До определённого момента переписка была чисто профессиональной. Двое учёных увлечённо делились идеями, строили смелые теории, предлагали стратегии защиты гипотез. В одном из писем Гордей обнаружил приложенную фотографию Жана с раскопок в Ираке. С экрана на него смотрел симпатичный смуглый парень с умными глазами.

Через некоторое время после этого в сообщениях появились личные мотивы, которые вышли из философских рассуждений о природе разума, его эволюции и предназначения. Тон писем менялся, становился всё более доверительным. Гордей вычислил, что к этому моменту корабль находился уже в двадцати световых годах от Земли; собеседники не могли друг друга слышать, но поток сообщений продолжался, будто они угадывали мысли своего визави на расстоянии.

Наконец, в одном из писем промелькнуло со стороны Нины то, что официально запрещено не было, но считалось табу в общении с любыми людьми, которые остались на Земле.

«Сегодня была на смотровой палубе. Солнце всё ещё довольно яркая звёздочка, но уже ничем не выделяется на фоне прочих, – писала Нина, – величие пустоты поначалу меня подавляло. А потом я поняла, что даже сто лет полёта – это мелочь, крохотный шаг из огромной звёздной колыбели... Жан, тебе нужно подать заявку на включение в экипаж. Я знаю, у вас готовится новая волна. Ты как раз успеешь сделать инъекцию до того, как станешь стариком. Сделай это. И тогда мы обязательно встретимся где-то на этих звёздных просторах...»

Гордей похолодел. Он не ожидал, что Жан после этого продолжит общение. Но среди писем, которые пришли через сорок лет после этой реплики, он обнаружил следующее:

«Дорогая Нина! Извини, я мало рассказывал о себе. Беседы с тобой были настолько увлекательными, что моя собственная жизнь не казалась мне слишком важной. Что такое несколько десятилетий на фоне эпох, которыми мы с тобой оперировали?.. признаюсь, знакомство с тобой несколько поколебало мои убеждения. Но в любом случае этот путь для меня закрыт. У меня есть дети, Нина. Извини, не буду показывать их фотографии – боюсь, ты их возненавидишь. Но я люблю их. Очень. Моя семья – это маленький тёплый кусочек счастья. Таков мой человеческий путь. Прости, если разочаровал. Твой Жан».

Гордей закрыл глаза и помассировал виски указательными пальцами. Отсутствие родственников или близких людей среди остающихся на Земле и бездетность – ключевые условия при отборе участников межзвёздных экспедиций. Это в своём Манифесте обещал сам Хромов: вечность только для тех, кто готов покорять звёзды и отказаться от продолжения своего рода на Земле. Тогда, в самые тяжелые дни Гражданской, этот компромисс казался справедливым. Более того – единственно возможным. Никто на самом деле не верил, что обещанная Хромовым космическая программа настолько продвинется в реализации, так что вечная молодость не должна была достаться никому. Бывшая элита из элит, Бессмертные и их наёмные армии, были уничтожены, прокляты и забыты. В тот момент это устраивало всех.

И вот он впервые столкнулся с маленькой, но настоящей человеческой трагедией, порождённой правилами, которые вывернули перспективу человеческой жизни наизнанку. Нина умудрилась найти близкого человека на Земле, сама будучи уже в полёте...

Гордей перешёл к файлам нового пакета, который был получен вчера. Когда он был отправлен, на Земле прошло около ста лет с того момента, как стартовала «Москва». Продолжительность жизни обычных людей тоже выросла за последнее время, всё-таки медицина не стояла на месте. Врачам было запрещено лечить только одну болезнь, которая там, на родной планете, по-прежнему болезнью не считалась – старость.

Нужное сообщение он нашёл быстро, глаз цепко выхватил в цепочке файлов уже примелькавший адрес отправителя:

«Дорогая Нина! Вот уже несколько десятилетий ты получаешь мои сообщения, но здесь, в настоящем времени Земли, я уже мёртв. У меня не вышло совершить новую революцию; я не смог сделать инъекцию доступной для всех, хотя вопрос нового референдума даже обсуждался. Люди заикнулись на религии, на этом новом варианте Веры... и я ничего не могу с этим поделать. Эти строки я уже не могу набирать собственными пальцами – за меня это делает компьютер, который считывает нервные импульсы непосредственно в моём одряхлевшем мозгу... я слишком слаб и очень стар. Но знаешь... могу сказать, что в угасании есть своя прелесть. Все вещи видятся по-другому. Я испытываю потрясающее спокойствие и умиротворение, осознавая, что за отведённое мне время успел сделать очень много. Я увидел своих внуков и даже правнуков. Прости, что говорю с тобой об этом – но не могу не поделиться этим ощущением абсолютного счастья. Возможно, в прошлом люди в старости были несчастливы, ведь вместе с немощью приходила боль и страдания. Я же лишён этого. Я просто тихо угасаю, как свеча на ветру. И в эту минуту я сам начинаю верить, что люди, оставшиеся на Земле, не так уж не правы в своей Вере. Вчера я получил причастие и соборование. Если не знаешь, что это такое – не ищи в справочниках. Это такой забавный и величественный ритуал, как будто тебя собирают в путь в новый мир. Немного похоже на то время, когда вы готовились к отлёту, не так ли? Надеюсь, твоя жизнь будет долгой и полной счастья. Желаю тебе и вашему экипажу успешной колонизации, чтобы когда-то ты тоже получила возможность прервать свою вечную молодость и завести детей. Не бойся этого. Мне не страшно. Я буду ждать тебя на другой стороне».

Гордей сидел некоторое время, потрясённый. Потом, подавив судорожный вздох, посмотрел на часы на коммуникаторе. Была почти полночь корабельного времени. Пора возвращаться в свою каюту. Здоровый сон необходим для того, чтобы восстановить свежесть мышления.

Он закрыл информаторий и пешком добрался до своего яруса.

Записи экипажа, файл 0318716

Из личных воспоминаний Гордея Захарова, инженера силовых систем и специалиста по общественной безопасности межзвёздного корабля «Москва»

Думаю, командование было уверено в том, что вечный и его ближний круг будут торговаться. Они всегда так делали, когда их загоняли в угол. И наверняка ему было что предложить, по-другому торговля не работает.

Однако час проходил за часом, складываясь в сутки, а вестей из бункера не было. Штурмовать его тоже пока не спешили – во-первых, был риск уничтожить ценности, которые были ой как не лишними для молодой Республики, а во-вторых, очень не хотелось терять людей, когда победа была уже близка.

Предложения о сдаче передавались по всем стандартным каналам и даже в виде звуковых сообщений через вскрытые ходы системы вентиляции. Специально для этого сохранили линии связи бункера с внешним миром – антенны и оптоволокно, идущее до ближайшего коммуникационного центра.

Но бункер молчал. И тогда командиры вспомнили про разведку и тех бойцов, которые имели навыки лазутчиков.

Было решено проникнуть в бункер и разведать обстановку на месте до того, как принимать решение о штурме или подрыве.

Как это обычно бывает, одно дело принять решение – и совсем другое реализовать его на практике.

Все стандартные пути проникновения были заблокированы. Бункер проектировали далеко не дилетанты. Системы вентиляции перекрывались всеми возможными датчиками и мощными лазерными решётками. По-настоящему мощными – зеркальная броня робота-разведчика, которого посылали на исследования, не особо ему помогла; машину нашинковали слоями, толщиной в пару сантиметров.

С коммуникационными каналами тоже всё было в порядке – плотность укладки проводов была такой, что туда и муравей бы не проскользнул. Демонтировать же их было невозможно – все каналы были заминированы, и такая попытка привела бы только к полной изоляции бункера.

Оставался только вариант с проходкой штольни из ближайшей карстовой полости.

Благодаря тому, что удалось добыть более-менее достоверные схемы бункера, спецы вычислили уязвимое место: на одном из служебных горизонтов стена подземного сооружения примыкала к гидропласту. Видимо, архитекторы посчитали его достаточной гарантией от проникновения – и правда, кому бы в голову пришло ломиться в подземелье через обводнённый грунт? Поэтому там было всего пара десятков сантиметров армированного бетона и мощная гидроизоляция.

Архитекторы бункера не могли знать, что промышленность Республики сможет освоить производство специальных проходческих щитов, которые позволяли работать в таких условиях. И так получилось, что ближайший щит можно было доставить на место операции оперативно – всего в течение восьми часов, грузовым «Слоном», через ближайший аэродром, полоса которого оказалась почти нетронутой в ходе стремительного штурма.

Щит был сконструирован таким образом, что после проходки, и, к примеру, стыковки тоннелей из него можно было выбраться через переднюю, рабочую поверхность. Для этого там был предусмотрен специальный бронированный люк.

С гидроизоляцией и бетоном режущие кромки щита справились довольно легко. Ну, замедлились, конечно, и поскрежетали немного – но всего через несколько минут после того, как датчики показали, что мы упёрлись в бетон, препятствие пало. Судя по показаниям датчиков, впереди был воздух, нормального, пригодного для дыхания состава.

– Приехали! – Бодро сказал техник-оператор щита, убирая руки с рукояток управления, – ну что, будете заходить, а, ребят?

Он посмотрел на нас. Нормальный мужик: добровольно пошёл на это опасное предприятие, даже особо не торгуясь. Хотя всё равно ему наверняка насыпят кучу разных приятностей, вроде внеочередного отпуска и премий. Республика любит верных граждан.

– С гидроизоляцией точно всё нормально? – на всякий случай поинтересовался Коля – мой напарник в этой операции, боец нашего взвода с интересным позывным «Карандаш».

– Как видишь! – ухмыльнулся оператор, – да ладно, ребят, не переживайте. Техника надёжная. Учтите только, что через шесть часов я ухожу. Щит оставит полимерную пробку – но не факт, что обойдётся без неприятностей. Так что уж постарайтесь успеть в срок!

– Добро! – кивнул я, неосознанно копируя манеру Макарова.

– Тогда в шлюз! – он указал в сторону переходного отсека, втиснутого между кожухами гигантских подшипников главного ротора.

Когда бронедверца натужно, со скрипом, открылась, мы оказались в полутёмном помещении, уставленном одинаковыми стеллажами, на которых рядами лежали картонные коробки.

– Склад что ли? – тихо, будто про себя, сказал Коля.

– На схеме было непонятно, – так же тихо ответил я, – назначение помещений не указывалась. Наши аналитики предположили, что тут должны быть технические отсеки.

– Да помню я... – буркнул напарник.

На полу валялось бетонное крошево. Конечно, щит наделал шума – но пока никаких признаков тревоги не наблюдалось: ни мигающего освещения, ни сирен. Впрочем, это не означало, что на самом деле тревоги не было. Вполне могло стать, что именно сейчас к нам бегут вооружённые отряды личной гвардии бессмертного.

– Похоже, выход там, – сказал Коля, кивнув на стрелку, слегка фосфоресцирующую в полумраке.

– Давай выбираться, пока обитатели не хватились, – сказал я.

Проходя мимо стеллажа, я смог разглядеть этикетку на ближайшем картонном ящике. «Свинина тушёная». Ну вот, а говорили, что в таких гнёздах есть даже новейшие белковые синтезаторы... впрочем, может быть, вечный предпочитал натуральную пищу, с таких, как он становится...

Дверь была металлической и, похоже, герметичной. Плохо. ИК-датчики бесполезны.

«Не тяни», – жестом показал напарник, пока я пытался пристроить на пол датчик вибрации, который мог бы уловить признаки движения с той стороны.

Я кивнул, убирая прибор в разгрузку, после чего показал жестами: «я толкаю – ты прикрываешь».

Коля кивнул в ответ.

Я дотронулся до запорного механизма. Его невозможно было заблокировать – разумная мера предосторожности в закрытом бункере, так хозяевам не грозило остаться запертыми в этом помещении просто по случайности.

Пережат в сторону – и я сел на корточки, целясь в образовавшуюся щель.

«Чисто, – показал Коля, выглядывая в коридор, – пошли дальше».

Первым делом нейтрализовали камеры в коридоре. Безо всякой стрельбы, конечно – направленным электромагнитным импульсом. Дальше шли спина к спине, каждый контролируя свою полусферу.

Я сохранял всю возможную бдительность – но на самом деле уже был уверен, что бункер пуст. Ну не ощущалось тут никакой жизни, кроме работы электронных систем. Наверняка Коля чувствовал то же самое, но, как и я, продолжал прилежно делать свою работу.

Таким порядком мы поднялись по служебной лестнице на три уровня, и вышли в жилой сектор. Я мысленно присвистнул: роскошь тут была не просто показной или кричащей; ей был

насыщен воздух, от неё было трудно дышать. Натуральная обивка стен. Настоящий шёлк и тонкая кожа? Скорее всего, именно так. Металлические вставки? Не удивлюсь, если платина, а то и какой-нибудь иридий с родием. Выключенные телевизионные панели с логотипами, которые даже не были мне знакомы. Настоящий ковёр на полу, пушистый и ворсистый. А ещё – идеально чистый, даже ступать по такому было неловко.

Я даже замедлился на секунду, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами.

Мне не было известно, сколько стоил квадратный метр этого ковра у меня под ногами. Но, подозреваю, сильно больше всей еды, которую я употребил за два года жизни на улице. Сколько мальчишечьих и девчоночьих жизней можно было бы купить за кусочек этого ковра?..

– Почему «Доберман»? – вдруг спросил Коля, тоже замедлившись.

– Что? – погруженный в свои мысли, я не сразу понял, о чём он.

– Позывной у тебя, – пояснил Коля, – почему «Доберман»? Необычно.

– А, – ответил я, – у меня пёс был этой породы. Любил я его. Он погиб вместе с родителями во время городских побоищ. Его Полкан звали. Сам понимаешь, такой позывной мне бы никто не утвердил.

– Ясно, – кивнул Коля, улыбнувшись.

Мы двинулись дальше по коридору и подошли к первому посту охраны. Он оказался совершенно пустым. Только работающие мониторы демонстрировали помещения бункера на этом уровне. Чего тут только не было! И кинотеатр, и оранжерея, кажется, даже боулинг, если я правильно опознал назначение помещения, и каток. Везде – пусто. Ни следа людей.

– Похоже, мы прощёлкали эвакуацию, – с досадой сказал напарник, осматривая пульт.

– Не факт, – ответил я, – гляди, вот эти мониторы выключены, – я указал на нижний правый ряд, где темнели три экрана.

– А, это штатно, – ответил Коля, – я слышал про такое. Это личные апартаменты бессмертного. Наблюдение можно включить только через его личную печать.

– Зачем их тогда устанавливать на общий пульт? – удивился я.

– Чтобы он мог наблюдать идеальную картинку, если вдруг решится проинспектировать пост.

– Бред какой-то... но надо всё равно проверить.

Коля пожал плечами, и мы вернулись в коридор.

– А почему «Карандаш»? – я не сдержался и задал встречный вопрос.

– Понятия не имею, – ответил напарник.

– В смысле?

– Меня дедушка так называет. Я никогда не спрашивал, почему.

– Называет? – Заинтересовался я, – дедушка жив?

– Да, воюет на севере, выковыривает последние гнёзда питерского олигархата в Финке.

– Ого! – удивился я.

Коля улыбнулся и пожал плечами.

Роскошные деревянные двери при входе в личные апартаменты бессмертного были широко распахнуты. Короткий коридор после входа упирался в стену, обшитую деревянными панелями.

Мы переглянулись. Тревоги у меня не было, я не чуял угрозу – но в груди вдруг появилось странное чувство. Будто тоска какая-то, неприятная, холодная. Я даже вздрогнул.

«Пределная бдительность!» – показал Коля.

Я кивнул в ответ.

Сначала пришёл запах. Хорошо узнаваемый, приторно-насыщенный запах крови. Мы только успели войти в коридор, тут был небольшой ток воздуха, создаваемый системой вентиляции. Кровь была уже не свежей, но ещё не воняла сладким гниением.

«Стоп!» – показал напарник. Мы замерли на несколько секунд. Потом продолжили движение.

В главном холле, аккуратно в несколько рядов были выложены трупы. Исключительно мужчины, крепкие и спортивные. У всех перерезано горло – причём не поперёк, как это обычно делается в бою, а сбоку, вдоль сонной артерии. Ковёр под ними, вероятно, когда-то был белым, но теперь почти полностью почернел из-за огромного количества пролитой крови.

Я видел, как заиграли желваки на скулах напарника.

«Ты как?» – спросил он жестом.

«Норма», – так же беззвучно ответил я.

– Шестьдесят человек, – сказал Коля, – вся личная гвардия.

– С чего ты... – я хотел спросить: «с чего ты взял, что это именно они?», но осёкся. Разглядел одинаковые татуировки на груди мертвецов – пересекающиеся треугольники.

– Не понимаю... – задумчиво сказал Коля, – такое ощущение, что они просто лежали, когда их резали. Даже не пытались сопротивляться.

– Может, наркотики? – предположил я, – или газ?

Коля тут же рефлекторно схватился за сумку дыхательного прибора, но потом спокойно опустил руку.

– Если бы что-то было, мы бы уже вырубались, – сказал он, – но осторожнее на всякий случай.

Чтобы продвинуться дальше, пришлось идти по ковру, задубевшему от крови. Глядя под ноги, я невольно то и дело наткнулся на остекленевшие и уже мутные глаза погибших.

– Никогда не понимал их, – сказал Коля, – они ведь прекрасно понимали, что им самим вечная жизнь не светит... почему продолжали хранить верность своим хозяевам?

Я ответил не сразу. Мы почти дошли до конца холла, когда я произнёс:

– Они надеялись, – сказал я.

– Надеялись на что? – Коля даже остановился от удивления.

– На то, что именно им повезёт. Что они найдут способ сменить хозяина на посту вожака.

– Да ну... – скептически нахмурился напарник, – они хоть и враги – но не полные дебилы ведь!

Я пожал плечами.

– Думаю, самим себе они это объясняли как-то так, – сказал я, – но, конечно, всерьёз в это не верили. Зато верили в хорошую и обильную еду. Вещи. Прочие материальные блага. Помнишь, в самом начале насколько хорошо они жили? Частные армии огромных корпораций... обычными людьми они воспринимались как почти вечные, понимаешь? Они и сами начинали в это верить.

– Дедушка бы долго смеялся, если бы услышал, – заметил Коля.

– Ну, не у всех есть такие дедушки, – ответил я, пожав плечами.

Мы методично обследовали все помещения личных апартаментов, которых было неприлично много: гардеробные, винные, ванны, клозеты, размером с ангар. Везде царил запустение и порядок.

Не сговариваясь, мы отложили спальню напоследок. Я ожидал новых неприятных сюрпризов и оказался прав.

Полированные деревянные двери были закрыты, но легко поддались, стоило только слегка надавить на массивную ручку из жёлтого металла. Прямо напротив входа под сводчатым потолком висело женское тело. Можно было бы сказать, что «головой вниз» – вот только никакой головы у него не было. Кажется, тело его прикрутили проводами на то место, где когда-то висела люстра. Сама голова лежала внизу и смотрела на входящих широко распахнутыми в ужасе глазами.

– Кто это? – тихо спросил я в пустоту, не особо рассчитывая на ответ.

– Его жена, – всё же ответил Коля, – вечная. Я видел фотографии. На брифинге этого не было, но я давно интересовался.

Я подошёл к телу. Кроме отрезанной головы, были видны и другие признаки насилия: вены на безвольно свисающих руках были разрезаны вдоль, кожа ниже локтей в запёкшейся крови.

– Он был женат? – Удивился я, – редкость... безумие какое-то...

– Согласен, – кивнул Коля, – клиника. Тут врачи и следователи должны разбираться. Это уже не наше дело.

Ещё никогда с таким облегчением я не воспринимал эти слова: «не наше дело».

Я обвёл взглядом комнату. И только теперь заметил, что сам хозяин помещения сидит на огромной кровати с балдахином, прислонившись к вороху подушек и накрывшись толстым одеялом. Он выглядел совсем как живой; я даже вздрогнул. И только потом в полумраке вспомогательного освещения понял, что кожа у него неестественно синюшная.

Я хотел подойти к нему. До этого я никогда не видел вечного настолько близко. «Вечного, – подумал я, – какая злая ирония... кажется, они сами себя так называли!»

– Гордь... – тихо позвал напарник, – пойдём отсюда. Откроем проход. Не хочу я здесь...

– Надо проходчика предупредить, – автоматически заметил я, – чтобы не вздумал отводить щит...

– Надо, – кивнул Коля, после чего развернулся и твёрдым шагом вышел из спальни, которая стала склепом.

Я последовал его примеру, но перед выходом не выдержал – обернулся. Кажется, голова бывшей хозяйки посмотрела на меня насмешливо и подмигнула.

Я потряс головой и ускорил шаг.

Глава 3. Первые и вторые

Гордей проснулся в шесть утра по корабельному времени. Необычно рано: как правило, он вставал в половину восьмого, разумеется, безо всякого будильника.

Происшествие подействовало на него сильнее, чем могло показаться. Ему снились тревожные сны. В них была Нина. Она приходила в его каюту и стояла над кроватью, где он спал, глядя на него с неммым укором. Гордей словно видел эту сцену со стороны, но не мог пошевелиться или вообще хоть как-то отреагировать. Он будто бы висел в воздухе, связанный по рукам и ногам, ещё и с кляпом во рту.

Когда Нина начала склоняться над ним, приближая своё обезображенное лицо к его груди, он попытался закричать – так, что заболели рёбра. Он поперхнулся, закашлялся и, наконец, проснулся.

После пробуждения Гордей активировал яркое освещение и пошёл в кухонный блок, где выпил тёплый стакан минеральной воды с магнием.

Это помогло. Кошмар постепенно отступал.

Анализируя сновидение, он понял, что какая-то деталь случившегося не даёт покоя его подсознанию. Тот ужас, который случился с Ниной, казался смутно знакомым.

Гордей принял душ. Прохладные струи воды окончательно разогнали сонливость, мозг вошёл в нормальный рабочий режим.

После душа он сделал кофе и сел за большой терминал, установленный на письменном столе. Отхлебнул пару глотков, и активировал машину. Потом зашёл в папку с личными записями и какое-то время растерянно водил курсором по файлам, упорядоченным по времени написания.

Очень многие члены экипажа вели личные записи. Это было совершенно обычным делом – так поступать рекомендовали психологи. Записи давали иллюзию контроля над собственной памятью.

Чем дальше от сегодняшнего момента отстоит воспоминание – тем меньше деталей может воспроизвести человек. Вчерашний день в норме люди в состоянии вспомнить если не по минутам – то по часам точно. Потом точность падает. Через неделю мы помним только одно – два главных события дня. Потом – ключевые события месяца, года и так далее. Постепенно в памяти остаётся то, что вызвало наибольший эмоциональный отклик. Но и эти события стираются, когда человек живёт очень долгую жизнь.

Первые сорок лет полёта Гордей не вёл никаких записей. Он не испытывал сантиментов относительно своих земных воспоминаний, как не верил в их особенную ценность. Больше того, некоторые вещи он был бы совсем не против забыть. Ну а если что-то останется спустя век – значит, как тому и быть.

Однако во время сорок первой весны полёта, гуляя по парку, он вдруг понял, что не помнит, как пахнет летнее море. Эмоции и ощущения остались, при желании можно было бы даже воспроизвести их с помощью глубокого виртуала, там, где эмулируются даже запахи – но ведь это будет уже новое воспоминание, новый опыт. Кто знает – будет ли он отличаться от того, который был когда-то там, на Земле?

В памяти ещё оставались самые яркие моменты летнего отпуска отца, когда они впервые поехали на море. Ему пять лет. Море народа на вечерней набережной в Адлере. Аттракционы, на которые его не хотели пускать из-за ростамера. Детское разочарование, которые быстро стёрлось после шоколадного лакомства в ресторане...

А вот запах – как отрезало. Только отголоски эмоций.

Нельзя сказать, чтобы это открытие очень уж напугало Гордея. В конце концов, он ведь знал, что так будет. Просто он впервые на собственном опыте ощутил поступь вечности, которая маячила впереди.

После этого он начал вести записи. Сначала думал описать самые яркие моменты, сохранившиеся в памяти, в хронологическом порядке. Но потом записи начали прыгать; воспоминания неожиданно цеплялись одно за другое через года, складываясь в странный узор его жизни, вовсе не похожий на прямую как стрела шкалу времени.

Про детство он много писать не мог. Чувствовал, что где-то глубоко, под завалами жизненного опыта, полученные раны всё ещё на месте. Они не зажили и не затянулись – их просто закрыли слои следующих лет. Много слоёв. Тонны. Достаточно, чтобы почти ничего не чувствовать. И раскапывать их было не очень разумно.

Воспоминания юности были куда приятнее. Успешная карьера разведчика, поступление в технологический после объявления мира, радость новой жизни... эти файлы он даже иногда просматривал, для поднятия настроения, если вдруг после очередной прогулки под звёздным небом на внешней палубе накатывала меланхолия.

Гордей собрался было открыть рассказ о поступлении в университет, написанный шестьдесят лет назад, но потом вдруг вспомнил кое-что иное. Это было похоже на вспышку, когда два изображения вдруг наложились в мозгу.

Логово вечного и горы трупов, которые они нашли. Запах крови он, кстати, помнил прекрасно. Как и обезглавленный труп женщины со вскрытыми венами, обвязанный проводами.

От волнения у него даже во рту пересохло. Он открыл доступ к универсальной энциклопедии и нашёл большую статью о гибели Вечных в последние дни Гражданской. Начал просматривать графическую информацию. Обычное сообщение о тяжёлом для восприятия контенте даже не появилось – его приоритет как следователя по-прежнему действовал.

Так и есть. В тех редких случаях, когда в помещениях вечных оказывались женщины – жёны, наложницы, любовницы и даже дочери – их убивали схожим образом: подвешивая к потолку и вскрывая вены. В некоторых случаях им отрезали головы. А однажды следователи обнаружили тело с ранами на шее, будто кто-то неумелый пытался отрезать голову, но у него ничего не получилось.

Расследованию этих смертей было посвящено много сотен томов, а следствия длились годами. Однако итоговый вывод не отличался сенсационностью: понимая, что они проиграли, Вечные предпочли смерть, забрав с собой всех ближайших сподвижников и личную гвардию. Анализ крови у погибших показал наличие психоактивных веществ в сложной комбинации, которая отличалась в разных бункерах. Вывод судмедэкспертов был однозначный: перед смертью они, скорее всего, не страдали.

Гордей достал коммуникатор и набрал Алисию.

– Да, – ответила она после нескольких гудков; её тон был довольно раздражённый.

– Ты одна? – спросил Гордей.

– Да, – повторила врач уже более спокойно, – в изолированном блоке. Мне пришлось проторчать тут всю ночь, читала материалы по секционным правилам. Я всё-таки не патологоанатом и тем более не судмедэксперт.

– Ты очень мужественно держишься, – сказал Гордей, – к самому вскрытию ещё не приступала?

– Пока нет. Начну после отключения движков, когда норму восстановят, – сказала она.

– Ох... оно сегодня? – спохватился Гордей, – совсем вылетело...

– Не удивительно, – тон Алисии смягчился, – на самом деле многие ждут его, теперь расстояние достаточно мало для детального сканирования атмосферы Второй. Уже к вечеру обещают первые данные! Надеюсь, к тому времени управлюсь.

Планеты, которые вращались вокруг HD 186302 пока тоже не имели имён. Только порядковые номера: Первая – тёплая супер-земля, расстояние до родного светила 0,7 астрономической единицы. Содержание кислорода в атмосфере более 20%, остальное почти как на Земле: углекислый газ, азот и благородные газы. Альbedo планеты достаточно большое, поэтому на поверхности не сильно жарко: средняя температура на экваторе всего около 50 градусов по Цельсию. Вероятность того, что на планете существует органическая жизнь, считалась очень высокой, однако до сих пор не было получено абсолютных достоверных данных о её существовании. Однако этот мир не мог рассматриваться как конечная цель путешествия «Москвы», потому что сила тяжести на ней составляла около 5 g.

Вторая. Наиболее вероятный кандидат на колонизацию. Сила тяжести на поверхности 1,05 g. Кислорода в атмосфере 22%, остальное почти в точности как на Земле. Есть смена времён года – наклон оси к плоскости эклиптики 15 градусов. Среднегодовая температура на экваторе 24 градуса Цельсия. При этом расстояние до HD 186302 1,2 астрономических единицы. Планетологи уверяют, что магнитосфера у планеты, скорее всего, присутствует – при предположительно крупном железном ядре. Новые измерения должны были показать состояние плазмы в термосфере планеты и наличие ионосферы. Если цифры окажутся благоприятными – планета окажется едва ли не точной копией Земли, что будет означать грандиозный успех экспедиции.

После Второй, на среднем расстоянии 2,2 астрономических единицы от светила находился местный вариант пояса астероидов. Он был даже плотнее земного по среднему содержанию небесных тел, и чуть ли не в три раза массивнее. И это тоже было огромной удачей: материал для строительства новых межзвёздных кораблей был под рукой.

Третья и Четвёртая оказались газовыми гигантами, очень похожими на Юпитер. У них, как положено уважающим себя планетам этой группы, было полно спутников, но до их детального изучения у планетологов пока не доходили руки: хватало работы по исследованию внутренних миров.

Одним из важнейших открытий, которое уже совершила их экспедиция, стало наблюдение местного варианта последовательности Тициуса-Боде для системы HD 186302 с достаточно высокой точностью. Примерное расстояние до светила, планет системы и пояса астероидов, можно было рассчитать по формуле: $r = 0,7 + 0,5 \cdot 2^n$, где $n=1$ для Пояса астероидов, $n=2$ для Третьей и так далее...

– Гордей? – голос Алисии вывел его из задумчивости, – ты в порядке? Самому-то удалось поспать?

– Да-да, я в норме, – кивнул он, – сегодня собираюсь исследовать её каюту, вчера так и не успел добраться, а на ночь глядя копать не хотелось – зачем соседей тревожить, верно?

Алисия грустно и устало улыбнулась с экрана.

– Слушай, у тебя там хоть кофе автомат есть? – Спросил он, – если что – могу занести. Или что-то захватить в кулинарии...

– Да есть, всё есть, не беспокойся. Ты главное работу свою делай. Мне, знаешь ли, вообще никуда выходить не хочется, когда я знаю, что где-то среди нас гуляет тот, кто сделал это.

– Тогда по работе тройка вопросов, если не против.

Алисия кивнула.

– Анализ крови уже готов? – Спросил Гордей, – там ничего необычного?

– Точно! – врач довольно сильно хлопнула себя по лбу, – хотела же утром отослать! Да, есть одна малопонятная странность: химический анализ выявил содержание вещества, напоминающего формулой какой-то нейролептик или даже наркотик. Кажется, что-то вроде опиоида. И ещё – похожее на нейромедиатор.

– Количество? – спросил Гордей.

– Много, – ответила Алисия, – скорее всего, она была без сознания, когда... – она немного запнулась и опустила глаза, подбирая нужную формулировку, – когда это происходило. Удивительно другое: синтезатор подобное выдать просто не сможет, а попытка ввести формулу вручную вызовет тревогу и немедленный доклад, собственно, тебе, – она улыбнулась, – сначала я думала на органику, но у нас даже близко ничего такого не растёт на борту.

– Уверена? – на всякий случай уточнил Гордей.

– Совершенно, – без тени сомнения ответила Алисия, – биосфера ведь проектировалась в том числе с учётом этих рисков. Я вчера заморочилась и проверила. Ты представляешь во что мог бы превратиться корабль, полный безвольных нестареющих наркоманов?

Гордей поёжился. Всё-таки нужно быть бесконечно благодарным всем этим людям, которые проектировали «Москву». Они умудрились предусмотреть даже далеко не очевидные нюансы.

– Есть мысли, откуда эти вещества могли взяться? – Спросил Гордей.

– Нет, – Алисия пожала плечами и с явным сочувствием посмотрела на него, – не имею ни малейшего представления. По мне так это теоретически возможно только на центральном синтезаторе, но, повторяю, такие вещи строго-настрого блокированы.

«Значит, кто-то нашёл способ обойти блокировку», – подумал Гордей про себя, но благоразумно промолчал.

– Коммуникатор удалось найти в одежде? – спросил он после небольшой паузы.

– Нет, – Алисия покачала головой, – возможно, он упал в низ. Тогда надо проверять ремонтных ботов.

– Ясно. Спасибо, – кивнул Гордей.

– Это всё? – Спросила Алисия, – вот, поговорила с тобой, и на самом деле захотелось кофе. Кстати, кофеин – тоже наркотик, в курсе?

– В курсе, – кивнул Гордей, – и спасибо Комитету по науке, что оставил нам простые радости жизни, вроде кофе и алкоголя.

Алисия широко улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы.

– В пятницу предлагаю выпить за их здоровье!

– Ещё один вопрос – при осмотре тела ты никаких ран в области шеи не заметила? Может, что-то необычное?

Врач посмотрела на него с интересом.

– Так. Похоже, я начинаю тебя уважать ещё больше, – вдруг призналась она, – ты задаёшь правильные вопросы, значит, занимаешься делом всё это время.

В этот раз улыбнулся Гордей.

– Да, у неё рассечены мышцы и связки под челюстью, с правой стороны, – сказала Алисия, – будто кто-то задумал отрезать голову, но в последний момент передумал.

– Ясно, – кивнул Гордей, – на этом всё. Спасибо! Я наберу тогда ближе к вечеру, уточню по вскрытию.

– Набирай, – кивнула Алисия, – и работай иди, Пинкертон!

Врач отключилась. Гордей нахмурился, пытаясь вспомнить, кто такой Пинкертон. Лезть в энциклопедию было лень. В конце концов, он решил, что это кто-то из знаменитых полицейских прошлого, и вышел из своей каюты.

Жилище Нины было всего на один уровень выше, так что путь не занял много времени.

Возле её каюты Гордей огляделся. Индикаторы над соседними дверями светились красным – значит, люди разошлись по рабочим местам. Хорошо. Чем незаметнее на этом этапе будет его работа, тем лучше.

Он активировал свою метку и замок послушно щёлкнул, реагируя на предоставленные ему Управлением полномочия.

Каюта была стандартной: холл с вешалкой для одежды, подставка для обуви, очиститель с термосом... вроде всё на своих местах. На вешалке висит спортивная куртка. На борту весной такие носят ранним утром, когда климатическая система имитирует свежесть. И кислородный прибор – стандартный, из аварийного запаса. Точно такой же как тот, который он вытащил из аварийной ниши по пути на место происшествия. Вот это было необычно: Гордей внимательно осмотрел аппарат и сфотографировал его. Показатель ёмкости патрона с кислородом стоял на нуле. Это было ещё более странно. Он натянул перчатки и спрятал прибор в специально приготовленный полимерный мешок.

Гостиная была выдержана в непривычных Гордею розовых тонах. Она напоминала то ли кусочек мифического Зефирного царства, то ли внутренности розового плюшевого пони.

Поморщившись, он начал осмотр. Следов было мало – похоже, успели потрудиться автоматические уборщики. Он мысленно обругал себя последними словами, что вчера не сообразил отключить уборку каюты. Но сейчас с этим уже ничего поделать было нельзя.

Коммуникатор нашёлся в прикроватной тумбочке. Он был включен и заряжен, а на экране горели значки трёх не отвеченных вызовов.

Гордей нахмурился. Ну точно. Её ведь искать будут – коллеги, руководство... конечно, Управление найдёт, что ответить на первых порах, это ведь их зона ответственности, а не его. Но слухи всё равно пойдут. Значит, времени у него совсем не много. Что будет делать руководство, когда информация просочится? Изоляция? Карантин? Тотальная проверка на полиграфе? Пока что не хотелось об этом думать, но такой вариант вовсе не был фантастическим.

Он снял блокировку с прибора и углубился в чтение сообщений.

Личная жизнь погибшей была на удивление бесцветной. Подруг своего пола нет, только коллеги. Два-три постоянных партнёра, под настроение, видимо. Никаких пятничных вечеринок, квестов в вирте или других обычных для экипажа развлечений. Это не говоря о таких веяниях, как тёмная комната.

Зато на рабочем столе в качестве фона уже знакомая Гордею фотографию. Тот самый парень, последнее письмо от которого пришло вчера.

С партнёрами всё равно придётся поговорить, поэтому Гордей запросил данные о них на свой коммуникатор.

Тот, с кем она чаще всего встречалась, входил в навигационную группу. Математик. Две подтверждённые дубль-специальности: мануальная терапия и экология. Неожиданное сочетание! Гордей открыл фотографию, вложенную в личное дело, и сразу всё встало на свои места. Навигатор был очень похож на археолога. Глаза другие – но черты лица, брови... почти копия. Он смутно помнил, что, кажется, пересекался с ним несколько десятилетий назад, когда увлекался историческими квестами. Возможно, они были в одной команде.

Другие два любовника Инны были полными противоположностями друг друга: высокий худощавый парень, блондин. Очень молод биологически. Не так, как Белла, но всё равно – не больше двадцати одного. Второй – коренастый брюнет с большими зальсынами и густой бородой, биологически, пожалуй, даже старше Гордея. В оставшихся волосах у него была седина.

«Забавные у тебя вкусы», – подумал Гордей, пролистывая сообщения от любовников. Большинство не представляли никакого интереса, у него самого содержание личной переписки примерно такое же: комплименты, пошлости, мелкие обиды, примирения... в общем, всё то, что позволяет чувствовать себя живым человеком.

А потом он наткнулся на сообщение от навигатора, которое пришло вчера утром:

«Твоё время пришло. Я готов выполнить просьбу».

И всё. Больше никаких пояснений. Вроде бы ничего особенного, речь могла идти о чём угодно – от массажа до анального секса, но Гордею не понравился его тон. Он резко выбивался из настроения других сообщений – даже тех, где они ругались. Для порядка он пролистал

переписку за пару недель, чтобы найти хотя бы намёк на то, о чём могла идти речь. Но ничего подобного он так и не обнаружил.

Гордей выбрал в коммуникаторе приоритетный контакт Координатора и нажал на вызов.

Григорий ответил не сразу. Но всё-таки, спустя пять гудков, на экране появилось его недовольное лицо.

– Слушаю, – буркнул он, фокусируя взгляд на своём коммуникаторе, – а, это вы, Гордей... есть новости?

– Нужная санкция на возможное применение парализатора, – сказал он.

Оружие на борту было строгой запретом, однако на складах имелся небольшой запас спецсредств на случай опасного нарушения общественного порядка. До сих пор, с самого старта, этот запас не использовался и не вскрывался.

– Нашли подозреваемого? – заинтересовался Координатор.

– Возможно, – кивнул Гордей, – необходимо задержание для допроса. Я не могу гарантировать, что он последует со мной добровольно.

– Личность?

– Евгений Петров, навигатор, – ответил Гордей.

– Вот как... – Координатор задумался на секунду, но потом всё же ответил: – решение под мою ответственность. Берите то, что вам нужно. Только не затягивайте, через час выключение двигателей, передвижение по общественным местам будет запрещено.

– Да, я в курсе, – кивнул Гордей, – спасибо.

Записи экипажа, файл 047892

Из личных воспоминаний Гордея Захарова, инженера силовых систем и специалиста по общественной безопасности межзвёздного корабля «Москва»

Когда пошли слухи о первой волне демобилизации, Егор Петрович вызвал меня к себе на личную беседу. К тому времени батальон уже был расквартирован в глубоком тылу, под Челябинском, где когда-то был укрепрайон Вечных. Теперь уцелевшие здания и сооружения ремонтировали. Говорят, тут собирались оставить дивизию постоянной готовности, в состав которой должен был войти и батальон, который, скорее всего, будет сокращён до взвода. Не самая плохая перспектива; всяко лучше, чем заниматься оборудованием базы хранения.

Комбат выглядел необычно воодушевлённым. И вообще – в последнее время его поведение сильно поменялось. Нельзя сказать, что он стал более мягким, вовсе нет. Но каким-то... более человечным, что ли?

– Присаживайся, Гордей, – сказал он не по уставу после моего доклада, – поговорить надо.

Сердце у меня застучало чуть быстрее. Неужели и правда – дембель? Можно будет, наконец, скинуть эту опостылевшую форму, забыть про уставные обращения и распорядок дня...

– Долго тянуть не буду, – проговорил он, когда я занял стул с высокой спинкой, стоящий напротив его рабочего стола, – твой командир взвода накатал представление в Академию. И, в целом, с заявленными характеристиками я согласен. Нашей будущей армии нужны такие офицеры.

От неожиданности я даже рот приоткрыл. Кем только я не представлял себя после окончания Гражданской – но точно не военным! Да, я старался быть на хорошем счету, но в боевых условиях это ведь вопрос выживания, тем более в разведке.

– Вижу, удивлён, – продолжал комбат, – это хорошо, что сразу в пляс не бросаешься. Поэтому вот что: я дам тебе время подумать до завтра. Это дело такое, серьёзное. Никто на тебя давить не будет, и взводному не позволю. Офицерство – это совсем не то же самое, что служба на войне. Туда пойдут лучшие из лучших, в чью задачу будет входить бережное сохранение всего полученного кровью опыта. Понимаешь?

Я понимал. Только язык почему-то присох к нёбу, поэтому вместо уставной формы ответа я только автоматически кивнул.

– Теперь свободен, – улыбнулся комбат, – завтра жду, как соберёшься.

– Есть, – всё-таки смог выдать я, поднимаясь.

В распоряжении возле моей койки на табуретке сидел Колька и читал книгу. Настоящую, бумажную, завернутую в пластиковую обложку. После той вылазки в логово вечного мы как-то сблизились, и теперь он ждал новостей после вызова.

Увидев меня, он поднялся и, воровато оглядевшись, подошёл и шепнул на ухо:

– Ну что? Дембель?

Я отрицательно помотал головой. Коля разочарованно вздохнул.

– Ясно... значит, ждать ещё, – сказал он и тут же добавил, будто спохватившись: – так чего вызывал-то? Собираются сержанта давать?

– Не совсем, – ответил я, и вздохнул, – наши отцы – командиры решили, что я достоин большего.

– В смысле? – Захлопал глазами от удивления Колька, – какого большего? Старшего сразу?

– В Академию представление делают, – признался я.

У Кольки глаза вспыхнули.

– Ну нифига себе новости! Я слышал, на подразделения разнарядки спускали... когда едешь?

– Не знаю пока, – сказал я и признался, – если честно, я вообще не уверен, что оно мне надо...

Коля сел обратно на табуретку, глядя на меня со смешанным выражением недоверия и удивления.

– Вот те раз... – сказал он, – да как от такого отказаться можно? Многие сейчас мечтают на службе остаться. Как-никак всё налажено. На гражданке сейчас не сладко, сам понимаешь. Страну восстанавливать надо.

– Понимаю, – кивнул я, – об этом как раз и думал...

Тут я услышал шаги за спиной. По «взлётке» спешил дневальный.

– Захаров, к комбату! – сказал он, когда подошёл ближе, после этого развернулся и пошёл обратно на тумбочку.

Мы с Колькой переглянулись.

– Эй! – окликнул я дневального, – я ж был только что!

– Снова зовёт! – ответил дневальный не оборачиваясь.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как пожать плечами и вернуться в кабинет комбата.

В этот раз Егор Петрович был не один. Рядом с ним, в пол-оборота сидел незнакомый мне подполковник в лётной форме. Ещё одно заманчивое предложение о поступлении? «Дембель ещё не наступил, а на мою тушку уже столько кандидатов», – с неудовольствием подумал я, докладывая по форме о своём прибытии.

– Садись, Захаров, – кивнул Комбат.

Мне показалось, или у него в глазах было что-то вроде растерянности? Да что тут происходит?

– Рад познакомиться, – улыбнулся лётчик, протягивая мне ладонь. Я пожал руку, которая оказалась сухой и крепкой, – слышан о вас.

«Ну точно – свататься приехал», – подумал я. И ошибся.

– Нам нужна ваша помощь, – необычно мягко проговорил подпол, – дело особой важности, на контроле у Революционного комитета.

У меня сердце пропустило удар. Кажется, я понял, кто такой этот «лётчик». Контрразведка в наших войсках – одна из мощнейших, но при этом совершенно незаметных структур. Иначе мы бы ни за что не выиграли Гражданскую. Каждый из нас так или иначе сталкивался с этими ребятами, особенно после вылазок «за флажки», как у нас говорили. До сих пор это было всего лишь не самой приятной обязанностью.

«Что, блин, я сделал не так?» – лихорадочно размышлял я, припоминая подробности последних боёв.

– Вы не волнуйтесь только, – елейно улыбнулся подпол.

Почему именно «елейно»? Понятия не имею. Кажется, это что-то с религией связанное. Почему, когда я нервничаю, мне всякие заковыристые слова приходят в голову?..

– Давайте сразу к делу, – как-то резко подпол вдруг стал серьёзным; в его голосе прорезались стальные нотки, – ситуация следующая. Мы выявили внедрённого агента подполья Вечных. Слышал про такое?

Я кивнул. Каждый слышал о подполье; в освобождённых городах мамы им детей пугают.

– Мы могли бы взять его на месте, но тогда не останется возможности перехватить его канал связи. Этот агент завтра в составе группы кандидатов от части отправляется на станцию, где сядет на поезд, следующий по маршруту «Челябинск-Москва». Агент очень серьёзный, поэтому посадить в тот же вагон и тем более в то же купе наших сотрудников мы не можем. В части они известны. Новых людей привлекать тоже не желательно. Нам нужен кто-то

с послужным списком. Понимаешь? Чтобы вести наблюдение и при обнаружении признаков подготовки сеанса связи дать нам знать. Как я понял, ты в составе той же группы тоже едешь в Академию, так?

Я беспомощно посмотрел на комбата. От ответил твёрдым взглядом исподлобья и едва заметно кивнул.

– Да, – сказал я, – еду.

– Вот и отлично, – снова улыбнулся подпол, – давай поговорим о технических деталях. Времени на подготовку у нас нет, но твой командир говорит, что ты смыслённый парень. Разберёшься.

Пассажирские самолёты были роскошной редкостью. Почти весь парк был потерян во время Революции Сознания, а во время Гражданской наращивание темпов их производства не было приоритетом. Конечно, кандидатов можно было отправить в Москву грузовым бортом, но в военно-транспортной авиации Революционных сил царила неразбериха, связанная с готовящейся реорганизацией, и согласование маршрута с путевыми листами было делом не быстрым.

К тому же, не факт, что кандидаты прибыли бы на место прохождения вступительных испытаний раньше: расписание ВТА кроилось на живую нитку, и борт, который планировался на Москву, легко могли переставить куда-нибудь на Магадан, а то и вовсе в дружественные страны.

При этом поезда были самым надёжным и точным видом транспорта, так что выбор именно этого способа доставки кандидатов тыловыми службами был очевиден.

Мы сели в состав в Чебаркуле – до него было ближе, чем до Челябинска, но всё равно пришлось трястись четыре часа в кузове грузовика по ухабистым лесным просёлкам.

Состав не был новым. Большинство вагонов ещё со времён до Революции, но купе содержались в хорошем состоянии: на окнах – чистые занавески, все туалеты работают, даже кондиционер включили, когда ближе к обеду стало жарковато. О чём ещё можно мечтать?

Парень, за которым мне нужно было наблюдать, ехал со мной в одном купе. Он был танкистом из соседнего полка нашей дивизии. Черноволосый, смуглый, приземистый, с весёлыми карими глазами – он сразу располагал к себе. Ему досталась верхняя полка, по диагонали от моей нижней. Ещё купе с нами делили два бойца из штурмовой пехоты, оба – сильно старше меня. Им было лет по двадцать пять, один даже бороду носил.

Как только поезд набрал скорость, старшие ребята откуда-то достали мутную бутылку самогона и начали праздновать отъезд. Такое, конечно же, не приветствовалось, но состав формально не принадлежал военному ведомству, поэтому никакого надзора военной полиции и комендатуры тут не было.

– Ну что, парни? – спросил бородатый, который сидел рядом со своим товарищем на его полке, – с нами или как?

– Как звать-то кстати? – вмешался другой, – я Максим, он вот Павел.

– Гордей, – сказал я, протягивая руку.

– Митька, – ответил предполагаемый агент Вечных, спускаясь с верхней полки, – ребят, я б с удовольствием, но такое дело – у меня аллергия на спирт. Даже от пива могу волдырями покрыться. Такое дело... – он грустно вздохнул.

– Ясно, – пресным голосом ответил Максим, – значит, комиссию не пройдёшь.

Из-за тона было непонятно, шутил ли он или говорил серьёзно. Митька беспомощно и даже жалобно посмотрел на меня. Почему-то в этот момент мне очень сильно захотелось, чтобы контрразведчики ошиблись. Чтобы подозрения оказались ложными.

– Да шутит он, – рассмеялся Павел; Макс в этот момент тоже улыбнулся.

– Так, а у тебя будут отговорки? – Спросил он у меня.

– Нет, – ответил я, – не будут.

– Значит присоединишься?

– Извините, ребят, но нет. Просто не люблю я это дело.

– Ты из разведчиков, что ли? – прищурился Павел.

– Ага, – кивнул я.

– Ясно. Да, у вашего брата другое к этому делу отношение. Слышал. Ну да ладно – нам больше достанется, – он подмигнул соседу.

Кроме бутылки с самогоном, попутчики достали пару пехотных сухпайков и распаковали их. В купе запахло тушёной.

– Но вообще я голодный, – сказал я, доставая собственный сухпай, – давайте хоть поужинаем вместе.

Макс кивнул, улыбнувшись. Митька как-то ловко и незаметно тоже пристроился рядом со мной.

– За Революцию! – произнёс тост Павел после того, как разлил самогон по гранёным стаканам в подстаканниках.

– За наших! – синхронно ответили мы.

Я стукнул кулаком по стаканам парней, потом приступил к ужину.

Расслабившись, ребята начали травить байки. Потом вспоминать курьёзные ситуации. После этого дошло дело и до более тяжёлых воспоминаний. Тосты за погибших товарищей. Разговоры становились всё менее весёлыми и постепенно стихли.

Наконец, Максим начал убирать пустые консервы обратно в пластиковый контейнер сухпайка.

– Ладно, – сказал он, – надо ещё отоспаться будет. И готовиться. На месте надо быть в форме.

Павел кивнул в ответ.

За окном сумерки позднего вечера становились настоящей ночью. Я включил свет для чтения над своей полкой и помог собрать мусор.

– Я вынесу, – сказал я, собирая контейнеры.

– Давай, – кивнул Максим, после чего вытянулся на своей полке.

– Я с тобой! – Митька поднялся, освобождая мне проход, и открыл дверь купе.

В коридоре было свежо и даже прохладно. Кондиционеры продолжали работать на полную мощность, хотя солнце давно зашло. Двери остальных купе были закрыты. Всё правильно: ребята отсыпаятся, пользуясь возможностью. Это нам попались беспокойные попутчики постарше... хотя было ли это случайностью? Не могу точно сказать – от ребят из контрразведки можно было ждать чего угодно.

Я смотрел на Митькин затылок. Он шёл по коридору осторожной, крадущейся походкой, ловко подстраиваясь под колебания раскачивающегося вагона. Это продолжалось пару секунд, а потом он, после очередного толчка, вдруг налетел боком на поручень. Тихо выругался, и дальше пошёл так, как ходят обычные люди, придерживаясь рукой за стенку.

Во время инструктажа подполковник предупредил меня, что агент обладает определённым набором специальных навыков, чтобы я был осторожен и ни в коем случае не вступал с ним в непосредственное столкновение. За время посиделок я как-то расслабился и почти уверил себя, что Митька нормальный, а подозрения насчёт него – это какая-то ужасная ошибка.

Спустя ещё несколько секунд я уже не был уверен, что его особая походка мне не помешалась. Подсознание от нервного напряжения иногда способно делать странные вещи.

Будто почуввав взгляд, Митька обернулся.

– Идёшь? – спросил он.

Я кивнул в ответ и, поправив контейнеры так, чтобы они не вывалились по дороге, пошёл вслед за ним.

В какой-то момент я вдруг остро ощутил себя на его месте. Наверно, сказался опыт разведчика. Каково это – быть в окружении врагов и продолжать делать своё дело, несмотря ни

на что? Улыбаться им, шутить и балагурить – зная, что в любой момент ты готов убить того, кому улыбаешься? И так день за днём...

Сложно. Но человек способен адаптироваться ко всему.

Должно быть, Митька сейчас ищет способ безопасной связи. Угадывает момент. Это не так просто, как кажется. Контрразведчик говорил, что агенты отказались от использования радиосвязи. Их научились пеленговать очень быстро и эффективно. Устроить лазерную передачу через окно движущегося поезда – это тоже из разряда фантастики. Остаются только физические носители.

Окна в вагоне не открываются. Тамбуры на стыках тоже невозможно использовать из-за слишком большого риска повредить контейнер. Остаются только станции.

На каждой остановке по пути следования будут работать команды контрразведчиков. Тут моя помощь не требовалась. Подполковник был почти уверен, что именно там произойдёт попытка связи, но я бы об этом узнал только после того, как Митька не вернулся бы обратно в купе.

Моя помощь нужна была только на тот случай, если вдруг агент задумал что-то совсем неожиданное. Нужно было подмечать странности в его поведении и попытаться зафиксировать попытку передачи, которая могла бы последовать. На прямой вопрос: «А как она может выглядеть, эта попытка?» контрразведчик, нахмурившись, ответил: «Как угодно. Прояви фантазию».

Ещё он просил отслеживать все контакты Митяя в поезде – на случай, если вдруг среди пассажиров или проводников затесался поделщик. По его словам, это было крайне маловероятно, перед операцией всех тщательно проверили, но абсолютной гарантии не мог дать никто, даже они.

Я с тоской бросил взгляд на то место, где когда-то внутри вагона была установлена камера. Конечно же, теперь на её месте торчала уродливая заглушка. Системы видеонаблюдения массово уничтожались в первые месяцы после Революции, и до сих пор власти не решились снова начать их внедрение, даже на основе аналоговых технологий.

Мы дошли до конца вагона и по очереди опустили мусор в контейнер.

– Надо бы умыться перед сном, а я мыльно-рыльные в купе забыл... растяпа! – сказал он, словно извиняясь.

Я посмотрел в окно, на мелькающий сумеречный лес, залитый дымчатым туманом, едва подсвеченным ущербной луной.

– Да рано ещё вроде, – сказал я, посмотрев на часы; стрелки показывали половину десятого, – наверно, я бы почитал ещё, всё-таки готовится надо...

– Не знаю, в первый день надо немного дать слабину, – ответил Митяй, – чтобы пружина не лопнула.

Он подошёл к окну и опёрся на поручни.

А я вдруг поймал себя на том, что мучительно хочу узнать, что происходит у него в голове. Почему до сих пор он продолжает выполнять программу уже несуществующей власти Вечных. Может, сам рассчитывает на укол?.. неужели всё ещё верит, что такое возможно?

– Я боюсь гражданки, – вдруг сказал он, не поворачиваясь ко мне, каким-то тяжёлым тоном, будто выдавливал из себя слова.

– Что? – растерянно переспросил я.

– Боюсь, что смысла во всём этом больше не будет... – сказал Митяй, – в бою ведь всё просто: есть ты и есть противник. Тебе надо выжить – а для этого необходимо уничтожить его. Всё остальное вторично, так?.. А сейчас что за время наступает? Кто знает? – он вздохнул, – а ты почему решил на офицера идти?

– Да просто всё, – ответил я, – голодать больше не хочу. Я до того, как попасть в добровольцы, улицы успел хлебнуть. Сейчас на гражданке ведь неустроенность. Куда мне

податься? Рабочим? А вдруг не возьмут? Потребуют, чтобы ПТУ закончил... а на что жить, пока учишься? Нормальным ребятам семьи помогают – а мне? На стипендию?

Митяй посмотрел на меня заинтересованно.

– Так даже... – проговорил он, – говорят, за вечных тоже воевали ребята, которые просто жить хорошо хотели. И не важно, что не так долго, как их хозяева...

– Ты к чему это? – просил я, сжимая кулаки.

– Что? – будто спохватился Митяй, – а, ни к чему. Не бери в голову.

Я хмыкнул и направился обратно в купе. Потом понял, что оставлять его одного в коридоре было бы не разумно – вдруг он и правда в тамбур полезет или ещё что в таком же духе? – и остановился возле висевшего на стене расписания. Сделал вид, что погрузился в его изучение, сверяясь с часами.

Митяй подошёл о мне. Глянул через плечо на расписание.

– Через тридцать пять минут... – сказал он, – можно успеть главу по обществознанию прочитать. Давай потом на перрон сходим, может, чего вкусного купим?

Его тон был примирительным. Всё-таки он блестящий актёр, профессионал высшей пробы. Поставить разговор на грань конфликта, чтобы потом больше сблизится. Хитро действует! У нас в банде подручный жоака так работал: заставлял ребят выкладываться, когда те думали, что заслужили его особое расположение после недопонимания в самом начале...

Я ничем не выдал то, какие мысли у меня в голове промелькнули. Только улыбнулся в ответ – вроде как с облегчением.

– Давай, – кивнул я, – конечно!

В купе я действительно достал учебники, подвинул шторку и, включив индивидуальную лампу, погрузился в чтение. Шло туго: строчки расплывались, смысл ускользал...

А потом меня вдруг будто электричеством ударило, сердце забило быстрее, и я так крепко сжал книгу, что чуть не порвал её корешок.

Мусор! Почему ни я ни контрразведчики об этом не подумали! Они ведь профи!

Как часто его убирает проводник? На каждой крупной станции? Вполне может быть – поезд фирменный, он уже успел с пылесосом пройти по центральному проходу.

То-то Митяй такой спокойный и расслабленный. В игры свои играет. Так он уже всё дело, наверное, сделал, и теперь отдыхает!

Ладно. Надо успокоиться и понять, что мне-то делать.

Подполковник выдал мне средство связи: односторонний и одноразовый передатчик в виде карандаша, который следовало сжать с торцов до щелчка в случае, если бы мне удалось достоверно зафиксировать канал передачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.